

18+

РУССКАЯ
ДУША

Александр Анюховский
Александр Ковалёв
Алла Кречмер
Альбина Балагутдинова
Анастасия Вахтомина
Анастасия Козлова
Анастасия Лескова
Анна Калюжная
Анна Макарова
Анна Олейник
Антонина Ащеулова
Арина Коновалова
Валентина Никитина
Виктор Плескун
Виктор Чемисов
Евгения Потапова
Елена Вавильченкова
Елена Жубрина
Елена Карпенко
Елена Кройтор
Елена Полещикова

Игорь Ильницкий
Инна Хайнус
Ирина Арсентьева
Ирина Конюшенко
Ирина Кройтор
Ирина Титаева
Ирина Урсул
Ия Свечникова
Ксения Ром
Лариса Ерохина
Лидия Гортинская
Лилия Охотницкая
Людмила Долгих
Мария Ибрагимова
Мария Камушкова
Михаил Войтович
Надежда Загоруля
Нелля Акчурина
Ольга Архипова
Ольга Бажина
Ольга Куликова

Ольга Старченко
Ольга Федосеева
Ольга Яблоновская
Полина Гаак
Регина Галимова
Светлана Куликова
Светлана Нагибина
Софья Мороз
Тамара Годунова
Танечка Счастливая
Татьяна Загоруля
Татьяна Паешкова
Татьяна Пипкова
Эдияр Муқанбетов
Элеонора Поверенова
Юлия Самусик

**Русская душа. Сборник
современной поэзии и прозы**

Аннотация

«Русская душа» — не просто словосочетание, а целый мир чувств, образов и смыслов. Каждое произведение этого сборника — словно зеркало, в котором отражается её частица.

Здесь читатель найдёт: лирические строки о красоте русской природы и силе человеческого духа; размышления о судьбе России и её месте в мире; истории о простых людях с их радостями и горестями, надеждами и разочарованиями; философские эссе, задающие вечные вопросы о добре и зле, вере и сомнении, свободе и ответственности.

Содержание

Вступление	12
Татьяна Паешкова	14
Начальник лесоучастка	15
Светлана Нагибина	48
«Страстная боль, последний снег...»	49
«Март ушёл по-стариковски тихо...»	50
«Вытянулось небо, распрямилось...»	52
«Сухой октябрь, раскаркались вороны...»	54
«Под высокими снегами...»	57
«За мною ходит снегопад...»	58
«Сидел на кладбище Иваныч...»	60
Ольга Бажина	63
Посвящение Сергею Рахманинову	64
Памяти Василия Ланового	65
Памяти Булата Окуджавы	66
Поэт-трибун	68
Владеющему миром комедии Эльдару Рязанову	69
Памяти Нади Рушевой	70
Памяти Дмитрия Хворостовского	71
Посвящение Валентину Гафту	72
Владимиру Васильеву посвящается	73
Сусанин по имени Матвей	74

Михаил Войтович	76
Русский человек	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Русская душа

Сборник современной поэзии и прозы

Авторы: Арсентьева Ирина, Вахтомина Анастасия, Охотницкая Лилия, Козлова Анастасия, Титаева Ирина, Балагутдинова Альбина, Кройтор Ирина, Урсул Ирина, Макарова Анна, Свечникова Ия, Гаак Полина, Ильницкий Игорь, Архипова Ольга, Анюховский Александр, Потапова Евгения, Федосеева Ольга, Вавильченкова Елена, Коновалова Ирина, Акчурина Нелля, Ибрагимова Мария, Галимова Регина, Нагибина Светлана, Куликова Ольга, Поверенова Элеонора, Кройтор Елена, Калюжная Анна, Чемисов Виктор, Ковалёв Александр, Карпенко Елена, Плескун Виктор, Паешкова Татьяна, Камушкова Мария, Никитина Валентина, Яблоновская Ольга, Кречмер Алла, Ащеулова Антонина, Войтович Михаил, Бажина Ольга, Полещикова Елена, Конюшенко Ирина, Счастливая Танечка, Долгих Людмила, Муқанбетов Эдияр, Годунова Тамара, Мороз Софья, Старченко Ольга, Куликова Светлана, Хайнус Инна, Гортинская Лидия, Загоруля Надежда, Загоруля Татьяна, Олейник Анна, Пипкова Татьяна, Ром Ксения, Ерохина Лариса, Самусик Юлия, Лескова Анастасия, Жубрина Елена

Дизайнер обложки Ксения Алексеева
Редактор Ирина Коробейникова
Редактор Ольга Бажина

- © Ирина Арсентьева, 2026
- © Анастасия Вахтомина, 2026
- © Лилия Охотницкая, 2026
- © Анастасия Козлова, 2026
- © Ирина Титаева, 2026
- © Альбина Балагутдинова, 2026
- © Ирина Кройтор, 2026
- © Ирина Урсул, 2026
- © Анна Макарова, 2026
- © Ия Свечникова, 2026
- © Полина Гаак, 2026
- © Игорь Ильницкий, 2026
- © Ольга Архипова, 2026
- © Александр Анюховский, 2026
- © Евгения Потапова, 2026
- © Ольга Федосеева, 2026
- © Елена Вавильченкова, 2026
- © Арина Коновалова, 2026
- © Нелля Акчурина, 2026
- © Мария Ибрагимова, 2026
- © Регина Галимова, 2026
- © Светлана Нагибина, 2026

- © Ольга Куликова, 2026
- © Элеонора Поверенова, 2026
- © Елена Кройтор, 2026
- © Анна Калюжная, 2026
- © Виктор Чемисов, 2026
- © Александр Ковалёв, 2026
- © Елена Карпенко, 2026
- © Виктор Плескун, 2026
- © Татьяна Паешкова, 2026
- © Мария Камушкова, 2026
- © Валентина Никитина, 2026
- © Ольга Яблоновская, 2026
- © Алла Кречмер, 2026
- © Антонина Ащеулова, 2026
- © Михаил Войтович, 2026
- © Ольга Бажина, 2026
- © Елена Полещикова, 2026
- © Ирина Конюшенко, 2026
- © Танечка Счастливая, 2026
- © Людмила Долгих, 2026
- © Эдияр Муканбетов, 2026
- © Тамара Годунова, 2026
- © Софья Мороз, 2026
- © Ольга Старченко, 2026
- © Светлана Куликова, 2026
- © Инна Хайнус, 2026

- © Лидия Гортинская, 2026
- © Надежда Загоруля, 2026
- © Татьяна Загоруля, 2026
- © Анна Олейник, 2026
- © Татьяна Пипкова, 2026
- © Ксения Ром, 2026
- © Лариса Ерохина, 2026
- © Юлия Самусик, 2026
- © Анастасия Лескова, 2026
- © Елена Жубрина, 2026
- © Ксения Алексеева, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-2454-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Что такое «русская душа»? Этот вопрос веками волнует писателей, философов, путешественников и читателей как в России, так и за её пределами. Он звучит в строках Пушкина и Лермонтова, в размышлениях Достоевского и Толстого, в песнях и сказаниях, передаваемых из поколения в поколение.

«Русская душа» — не просто словосочетание, а целый мир чувств, образов и смыслов. Это способность одновременно испытывать глубокую печаль и светлую радость, стремиться к идеалу и признавать свои слабости, искать истину и верить в чудо. Это широта взгляда и глубина переживания, умение сострадать и готовность к самопожертвованию, любовь к родной земле и размышления о вечном.

Литературный сборник «Русская душа» — это попытка прикоснуться к этой тайне через слово. В нём собраны произведения современных русскоязычных авторов, объединённые одной темой: поиском и раскрытием тех черт, что составляют суть национального характера.

Здесь читатель найдёт: лирические строки о красоте русской природы и силе человеческого духа; размышления о судьбе России и её месте в мире; истории о простых людях с их радостями и горестями, надеждами и разочарованиями; философские эссе, задающие вечные вопросы о добре и зле,

вере и сомнениях, свободе и ответственности.

Каждое произведение в этом сборнике — словно зеркало, в котором отражается частица «русской души». Одни тексты напомнят о знакомых с детства образах, другие заставят задуматься по-новому, третьи тронут до глубины сердца. Но все они вместе создают многогранную картину, где за отдельными судьбами и историями проступает нечто большее — то неуловимое, что делает нас теми, кто мы есть.

Мы приглашаем вас в это литературное путешествие. Пусть страницы сборника станут поводом для размышлений, источником вдохновения и напоминанием о том, что «русская душа» живёт не только в книгах — она звучит в каждом из нас, в наших поступках, мечтах и словах.

Добро пожаловать в мир, где слово имеет вес, а чувства — глубину.

Добро пожаловать в «Русскую душу».

*Ирина Коробейникова — президент МСРП, редактор
сборника*

Татяна Паешкова

Начальник лесоучастка

Моим любимым дедушке и бабушке посвящается

Луке исполнилось тринадцать, когда война пришла на Урал. Хоть и далеко был фронт, но жизнь, и так нелёгкая, стала непомерно тяжёлой. Эхо войны добиралось до глухой деревни похоронками, раскатистым гулом моторов в небе и ставшим страшным словом «план», от которого у баб седели косы.

Деревня их — Гаревая — стояла среди соснового леса. Лесоучасток кормил всю округу. До войны здесь мужики покрикивали, спорили, кто больше свалит деревьев, а по праздникам ходили гармонь слушать на двор к Сухановым. Лука слух музыкальный имел хороший. Отец купил ему тульскую гармонь — дорогую, за сто рублей, покрытую чёрным лаком, и такую звучную, что ноги в пляс пускались. Лука сам научился играть, не зная нот, сам и песни подбирал на слух.

Хоть роста паренёк был небольшого, однако слыл первым парнем на деревне: работающий, с волнистым чубом и мастер на гармонии играть.

В деревне была своя школа до четвёртого класса, которую Лука закончил одним из лучших учеников. А вот дальше надо было ехать в район учиться, да не по средствам это было семье. Отец Василий Андреевич умер в сороковом от за-

ворота кишок в районной больнице — не успели довести. Мать, Аксинья Ильинична, осталась одна с четырьмя ребятами. Лука был старший, вот и пошёл работать в двенадцать лет на обрубку сучьев и штабелёвку дров.

Война не спрашивает, сколько тебе лет. В строй встают все — и дети, и старики. К зиме сорок первого мужиков в деревне не осталось. Всех, кто годен, взяли. Провожали тихо, без слёз, чувства людские будто замёрзли, как вода в Каме, до дна. Всё легло на крепкие бабы заливки.

Бабы рубили лес, пилили, грузили на подводы и отправляли по назначению. Часть — в Молотов, Свердловск, Нижний Тагил на заводы: из уральской сосны и берёзы строили самолёты, бараки для сотен тысяч эвакуированных рабочих, огромное количество леса уходило на производство шпал для новых железных дорог, по которым везли технику на фронт. Другую часть сплавливали вниз по течению Камы на деревообрабатывающие комбинаты и позже на заводы Поволжья, где строили укрепления и восстанавливали освобождённые города.

Бригадир Степан Фёдорович, старый калека, ещё с первой мировой без левой руки, посмотрел на Луку и спросил, затянувшись самокруткой:

— Грамотный?

— Ага, — сказал Лука и добавил, — четыре класса.

— Пиши, — сказал Степан и сунул ему грязную наклад-

ную на отправку брёвен. — Считать-то умеешь?

Лука быстро сосчитал в уме, не ошибся.

Бригадир тогда затянулся ещё раз и назначил его учётчиком.

Луке шёл четырнадцатый год. Так началась его война.

Зима сорок второго ударила с самого начала: в октябре уже мело, а потом стукнул мороз под сорок. Лошадей осталось чуть больше десятка, старых, еле волочащих ноги. А лес нужен был каждый день. План спускали сверху, и за невыполнение могли приехать из района с вопросом: кто враг, а кто саботажник. Бабы сами впрягались в сани и тащили их до штабелей.

Мать не выдержала той зимы. В январе сорок третьего, когда мороз стоял такой, что сосны лопались, она работала на делянке — вязала брёвна в клёпки. Рукавицы примерзали к сырой древесине, ветер продувал насквозь.

Вечером, когда Акси́нья Ильинична возвращалась с делянки, Лука как раз выбежал во двор за дровами и увидел ещё издали, что мать шла медленно, припадая на левую ногу, и держалась рукой за грудь. Тулуп на ней был весь в ледяной корке, платок съехал набок, а лицо — белое, как береста.

— Мам! — крикнул Лука и побежал навстречу.

Акси́нья Ильинична остановилась, оперлась о забор, долго кашляла — глухо, надсадно.

— Лука... — прошептала она. — Не дойду сама.

Он подхватил её под руку, почти понёс в избу. На крыльце мать споткнулась, упала на колени. Лука закричал в сени:

— Машка! Валька! Печь топите живо!

В избе было холодно — с утра не топили, берегли дрова. Маша, двенадцати лет, кинулась к печке, загремела за слонкой. Десятилетняя Валентина стояла посреди горницы с круглыми глазами и сжимала в руках тряпку.

— Чего расшоперилась? — рявкнул Лука. — Помогай!

Мать усадили на лавку. Она всё кашляла, сгибаясь пополам, и никак не могла отдышаться. Четырёхлетний Евстигней, белый, как одуванчик, спал на полатах, но проснулся от шума и заплакал тоненько, потирая ручонками красноватые глаза.

— Тихо ты, — сказала Маша и сунула брату тряпичную куклу.

Аксинья Ильинична подняла мутные глаза, посмотрела на Луку:

— Спину... спину разотри. Как колом всю скрутило.

Лука стянул с неё тулуп, потом фуфайку. Рубаха на спине была мокрая и твёрдая, как ледяная кора. Валентина принесла пузырь с самогонкой, Лука начал растирать матери спину.

— Ой, не трожь, — простонала Аксинья. — Всё нутро горит...

— Терпи, мам, — сказал Лука, а у самого губы тряслись.

— Терпи, мы сейчас...

Печь разгорелась. В избе стало теплее. Маша поставила в

печь чугунок с водой — травы заварить. Валентина укутала мать в старую шаль, помогла ей забраться на печь — пусть греется.

Аксинья Ильинична закрыла глаза, дышала тяжело, с хрипом.

— Не надо бы мне сегодня на ту делянку ходить, — прошептала она. — Ветрище там... Сосны гнулись. А план, план... Степан сказал: не сдадите — в районе спросят.

— Ничего, мам, — ответил Лука. — Отлежишься день-два, и пройдёт.

Но мысли в голове бродили совсем невесёлые.

Наутро Аксинья Ильинична не встала. Лежала на печи, укрытая двумя тулупами, и всё кашляла. Иногда кашель стихал, тогда она лежала тихо, только грудь ходила ходуном.

— Лука, — позвала она слабо. — Лука, подь сюды.

Лука влез на печь, сел рядом.

— Ты теперь старший, — сказала мать, не открывая глаз. — Машка хоть хлопотливая, да мала ещё. Валя... за той глаз да глаз нужен. А Евстигней, сам видишь — полуслепой, да и не такой, как все... кому он нужен. Ты гляди за ними. И себя не запускай.

— Мам, ты чего? — сказал Лука. — Ты встанешь.

— Встану, — согласилась мать и закашлялась опять, на этот раз дольше, страшнее.

На второй день из горла от кашля пошла кровь. Маша, что осталась в доме за старшую, сбегала в соседнюю деревню,

привела тётку Ньюру, фельдшерицу. Та пощупала лоб Акси-
ньи, послушала грудь, покачала головой.

— Воспаление лёгких, да сильное. Лекарств у меня нет,
из района давно не привозили.

— Так что же делать? — спросила девчужка.

— Поить горячим, горчичники ставить. И Богу молиться,
— сказала тётка Ньюра, вздохнула виновато и ушла.

Маша вскипятила воду, поставила горчичники, заварила
траву: мать-и-мачеху, ромашку и душицу, поила мать отва-
ром каждые два часа. Несколько раз растёрла спину само-
гоном. Мать стонала, но терпела. Валентина занималась Ев-
стигнеем: играла с ним в тряпичные куклы, рассказывала
сказки.

На третий день утром мать сказала Луке:

— Позови попа из Фок, там церковь осталась. Скажи —
причастить.

— Мам, не выдумывай, поживёшь ещё, — Лука сжал зу-
бы. — да и туда пешком далеко, а мне на работу нужно.

— Тогда ты... — она взяла его за руку. — Ты сам. Ты же
грамотный, прочитай.

Лука не знал, что говорить. Он достал из сундука запря-
танный на самое дно молитвослов, прочитал несколько мо-
литв, потом взял оттуда же старую бабушкину иконку и под-
нёс к материнским губам. Она поцеловала, перекрестилась
слабой рукой, потом откинула голову и закрыла глаза.

— Смотрите тут за мамкой, — зыркнул Лука на сестёр и

ушёл на делянку.

Вечером на пороге его криком встретила Маша:

— Лукашка! Мама, не кашляет!

Лука, не раздеваясь, подскочил к печи. Мать лежала навзничь — лицо серое, губы синие. Глаза открыты, но ничего не видят.

Он схватил мать за плечи, потряс. Потом приложил ухо к груди — нет, не стучит. Не стучит.

— Воды, — сказал он. — Дайте воды!

Машка подала ковш. Лука попытался влить матери в рот — вода побежала по подбородку.

— Ма-а-а! — завывла Валентина, и этот вой был тонкий, страшный, как у зверька в капкане.

Евстигней заорал благим матом, испуганный, голодный. Лука выпрямился, посмотрел на сестёр. У него самого тряслись руки, но он сказал твёрдо:

— Хватит выть. Маша, грей воду, будем обмывать. Валя, перестань, слышишь? Иди Евстигнея возьми на руки, пусть успокоится.

Он провёл ладонью по материным векам. Они не закрылись сразу, пришлось провести второй раз.

Потом он вышел на улицу. Ночь была морозная, звёздная. Лука сел на крыльцо, обхватил голову руками и заплакал молча, чтобы никто не слышал. Через минуту вышла Маша, села рядом, прижалась плечом.

— Лукашка, — сказала она шёпотом, — а мы теперь как?

— Теперь я за старшего, — ответил Лука и вытер лицо рукавом. — Как мать велела. Сбегай к соседям, скажи, что мамка... — голос его сорвался.

— Я счас, я быстро, оденусь только. — Маша юркнула в дом, через минуту выскочила обратно и по тропинке побегала к соседям.

Когда вернулась, они посидели ещё немного и пошли в избу — обмывать мать, готовить к похоронам, да и покойников нельзя оставлять до утра неодетыми.

Земля промёрзла так, что кайло отскакивало. Лука с двумя соседскими бабами долбили могилу на погосте с самого утра. Бабы причитали в голос, а Лука молча поднимал кайло, бил, откидывал мёрзлые комья. Ни разу не охнул, не попросил передышки.

— Ишь, железный, — сказала одна из баб, тётка Марфа, и перекрестилась. — Мать хоронит, а сам ни слезинки.

— А слёзы-то в копейку нынче, — ответил Лука и снова ударил.

Гроб сколотили из сосновых грубых досок, какие нашлись. Аксинью Ильиничну уложили в белой холщовой рубахе, что была ею приготовлена к смерти заранее.

Степан Фёдорович тоже пришёл на похороны, вздохнул, снял шапку-ушанку, сказал коротко:

— Царствие небесное Аксинье Ильиничне. Баба была работающая. Помянуть, конечно, нечем, но вы, ребята, держи-

теть, — он по очереди посмотрел на всех ребяташек. — Война — она всех под одну гребёнку.

Бабы завыли тонко, по-волчьи, причитая, как принято в деревнях. Маша стояла белая, губы закусила, не плакала, только вздрагивала плечами. Валентина захлёбывалась, уткнувшись в тулуп тётки Марфы. Евстигней, не понимая, что происходит, мёрз и жался к старшей сестре. Лука взял горсть промёрзлой земли — колючей, с крупинками льда — и бросил на гроб.

Могилу закидали мёрзлой землёй, воткнули деревянный, наспех сколоченный крест, на котором чернильным карандашом была накарябана фамилия и годы жизни.

— Прощай, мама, — сказал Лука. — Я постараюсь... Пусть земля тебе будет пухом.

Повернулся, ушёл, не оглядываясь. За ним, цепляясь за полу его тулупа, потянулась Валя. Маша волокла за руку Евстигнея — тот шлёпал валеночками по насту и недоумённо моргал подслеповатыми глазами.

В конце февраля Луку вызвал в контору лесоучастка бригадир Степан Фёдорович.

— Садись, начальник, — сказал бригадир, кивнув на табурет. — Кури, — протянул сигаретку Луке, дал прикурить.

Лука сел. Оба затянулись самокрутками, выпустили дым в потолок. Степан Фёдорович достал из стола бумагу с печатью.

— Читай, тут распоряжение пришло из района.

Лука прочитал. В бумаге было написано, что в связи с отсутствием грамотных мужчин в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет Суханов Л. В. назначается начальником лесоучастка в деревне Гаревая со всеми правами и обязанностями.

— Мне пятнадцать только в декабре исполнилось, — испуганно сказал Лука.

— А мне на фронте руку оторвало, — огрызнулся Степан. — Война, Лука, не до возрастов. Ты грамотный, ты с бумагами управляться можешь. А бабы... у кого два класса, у кого ни одного. Бабы лес валить умеют, а план сдавать — нет. Район требует отчётности. Понял?

— Понял, — мрачно сказал Лука и взял бумагу.

Степан Фёдорович ввёл его в должность за один вечер. Ткнул пальцем в потемневшую карту лесосек, объяснил, где сосна для авиации, где берёза на шпалы, где осина для лыж.

— Верхнюю делянку ссыльные рубят. Ты к ним построй, но без зверства — они тоже люди, работают за паёк. Там у них Гришка Егоров бригадиром поставлен, злой мужик, смотрит за ними в оба — не сбежал бы кто, не саботировал. За побег отвечаешь ты, ежели чего. Но они не побегут — детям жрать нечего будет. Ты с ними по-человечески, но строго. План есть план. И не трави, не тронь. Война всех перемешала.

Ссылные жили среди деревенских как соседи. Изба, где на птичьих правах обитали латыши, стояла по соседству с его домом. Летом сорок первого туда подселили семью — Яниса Витолса, его жену Велту и дочку Даце. Выслали их сразу, как началась война. Сначала Лука косился — всё-таки враги. Но Янис оказался мужиком спокойным, работающим, только говорил с запинкой по-русски да не всегда складно.

Другие ссылные — семнадцать семей немцев из Поволжья, несколько казанских и крымских татар, прибалты — жили в таких же обычных избах, вросших в землю по самые окна. В Гаревой не было ни колючей проволоки, ни вышек с охраной. Бежать из глухой уральской тайги, когда по ночам волки воют, а до ближайшего города полтораста вёрст, никому и в голову не приходило. Да и куда бежать?

Лука молча кивнул. Ему самому было не до вражды, когда живот от голода подводило.

— Теперь второе, — Степан достал замасленную тетрадь. — Продовольствие. На каждого работника — норма: хлеба двести граммов в день, крупы — ложка. Лошадям — овёс, не больше двух горстей. За расходом гляди в оба. Обвесят в районе — сам виноват. Просрёшь план — трибунал.

— А ружьё положено? — спросил Лука.

— Ружья тебе не положено. Тебе положена голова на плечах. Ссылные поднимаются в пять утра. Бабы — в шесть. Сейчас зима, темно, так что к девяти на делянке все должны быть и до темноты работать. Начнёт светать — раньше на

место. Всё. Завтра на делянку.

Степан вышел, оставив Луку одного с бумагами, печатями и стопкой пустых накладных.

На следующее утро, ещё затемно, Лука был на верхней делянке. Янис глянул на мальчишку, хотел было огрызнуться — какой, мол, из тебя начальник, — но передумал. Кто он теперь? Ссылный работник. А этот парень, соседский Лукашка, на работе — его хозяин. Заслушание пайку урежут, а Даче, дочка, и так тощая, как спичка.

На делянке Лука раздал топоры и пилы, показал, где валить авиационную сосну. Тут не удержался Гришка Егоров: — Мальчик, а сам-то валил когда?

Лука молча взял топор, подошёл к сосне, примерился. Ударил раз, другой, третий — щепки брызнули. Подрубил, упёрся плечом. Сосна рухнула точно в просвет между берёзами, даже сучья не зацепили соседние стволы. Всё быстро, без лишних движений.

— Понял? — исподлобья взглянув на Гришку, спросил Лука. — Теперь работаем. К вечеру с этой делянки норму сдать. Не дадите — пайки урежу, сам знаешь.

Гришка больше не насмешничал. Зло закричал на ссыльных:

— Ну чего встали, враги народа! Вас Советская власть кормит не просто так. А ну, пошли работать!

А вечером, когда Лука возвращался домой, Янис подозвал его у своих ворот:

— Лука, заходи. Велта кипятку заварила, погреешься с мороза.

Лука зашёл. Пили кипяток из жестяных кружек, грызли сухари из припасённых с лета. Даце, девчушка лет девяти, сидела на печи, глядела большими глазами. Велта подала Луке лепёшку из жмыха — не хлеб, но еда. Лука сунул её в карман — девчонкам дома отдаст.

— Ты, Лука, — сказал Янис, косясь на заиндевевшее окно, — не смотри, что мы латыши. Мы тоже люди. И работать умеем. А этот... Гришка Егоров — он зверь, не человек. Меня не трогал пока, а вот других... увезли нескольких татар из-за него. Слышал?

— Слышал, — ответил Лука. — Но мы тут своё горюем, своё и делаем. А чтобы саботировать и фронту вредить — не позволю.

С тех пор они стали кем-то вроде соседей-товарищей. Днём Лука командовал, вечером они сидели на завалинке, курили махорку, молчали — оба усталые, голодные. Общего горя хватало на всех.

В конторе бабы поначалу посмеивались:

— Гляньте, Сухановский Лукашка — начальник! Молоко на губах не обсохло, а он нам наряды давать будет!

Лука не обижался. Он приходил на делянку раньше всех — затемно, проверял инструмент, сам размечал лес. Брался за валочную пилу, когда у баб не хватало сил. Наряды запол-

нял честно, по трудодням — никому не приписывал, никого не обделял.

— И чёрт его знает, — говорила тётка Марфа через неделю, — а начальник из него вышел толковый. И бумаги в порядке, и лес считает — не обманет. И Гришку, лешего этого, приструнил. А вечером с Янисом на завалинке сидят рядком, махорку смолят. Соседи, прости господи.

— Война, Марфа, всех сроднила, — вздыхала другая баба.

Степан Фёдорович поначалу помогал — учил, как отчёты писать, как делянки на участки делить, как планировать вырубку. Через месяц сказал:

— Всё, Лука, дальше сам. Меня на вывозку отправляют, так что замену мне назначь. И крутись давай шибче. В прошлом году в соседнем участке начальника расстреляли за срыв поставок. Там бревно не того сорта отправили. А фронту, понимаешь, годные шпалы нужны.

Лука сглотнул. Расстрела он боялся — кому нужны будут его сёстры и брат? И работал ещё больше, лишь бы бабы да ссыльные не подвели, а уж он выдюжит.

Первый припадок случился к концу марта. Лука сидел в конторе над накладной — считал кубометры для апрельского плана. Цифры заплясали, голова закружилась. Он потёр лоб, хотел встать за водой — и вдруг мир перевернулся. Карандаш выпал из пальцев, тело забилося в судорогах, голова

ударилась об угол стола.

На перерыв прибежала погреться Маша — её тоже мобилизовали на работы: рубила сучки с другими подростками. Увидела брата на полу. Его глаза закатились, изо рта шла пена. Заорала, но быстро опомнилась, сунула ему в зубы деревянную ложку.

Припадок отпустил минут через пять. Лука сел, вытер лицо рукавом, поглядел на неё мутно.

— Сбегай за тёткой Нюрой, — прошептал. — И никому ни слова, Машка. Поняла?

— Поняла, — сестра заплакала, но кивнула.

Фельдшерица Тётка Нюра пришла, пощупала пульс, велела высунуть язык.

— Голодная эпилепсия, Лука. От недоедания и переутомления. Головной мозг не выдерживает.

— Лекарство есть? — спросила Маша.

— Нету. Так ничего и не везут к нам. Одно средство — жрать больше и спать дольше.

— Жрать нечего, спать некогда, — сказал Лука.

— Тогда терпи, — вздохнула тётка Нюра. — И не падай под сосну. Убьют брёвнами — никто и не заметит. Скажут: сам виноват.

Апрельский план спустили зверский: две тысячи кубов авиационной сосны, полторы тысячи кубов берёзы для шпал и пятьсот кубов на дрова. Лука ломал голову, как выполнить,

если лошади дохнут, пилы тупятся, бабы выбиваются из сил. Нужно не меньше шестидесяти человек, а у него еле-еле сорок набирается вместе с подростками.

Янис Витолс подошёл вечером на завалинке:

— Лука, дай ссыльных на новую делянку. Я сам организую. Мужики из прибалтов — бывшие лесорубы. Немцы уже приноровились. Татарка Зарема тоже крепкая. За месяц сосну дадим.

— А паёк?

— Прибавь на сто граммов каждому. И ребятишкам нашим по горбушке.

Лука подумал. Рискованно — за перерасход продовольствия по голове не поглядят. Но план — прежде всего.

К концу апреля участок перевыполнил задание на восемь процентов. Из района пришла бумага с благодарностью. Ссылные получили по сто граммов хлеба сверх нормы. Павшую от старости лошадь разрубили на куски и раздали всем понемногу. Янис, Велта и Даце в тот вечер варили баланду с кониной — отмолодили её в нескольких водах. Позвали Луку с ребятишками.

Ели молча, за грубым столом. Позже на завалинке, когда дети убежали играть в огород, Янис выдохнул струю дыма, сказал:

— Ты, Лука, человек.

— Не человек, — ответил Лука. — Я начальник. А человека из меня работа эта выжимает по капле.

Велта, что вышла на крыльцо выплеснуть грязную воду, услышав, перекрестилась.

— А ты женись, Лука, — неожиданно выдала Велта. — И за домом, и за детьми будет кому приглядеть.

— Да кто за меня пойдёт с такой-то голодной оравой, — с горечью ответил Лука. — Да и припадки эти не скроешь уже. Вон на прошлой неделе прямо на делянке упал. Эх...

— Да ты погоди, не хнычь. Присмотрись, может, к такой, какую не всякий возьмёт.

— Кривую да хромую? — засмеялся парень.

— Ну как знать. Может сирота какая найдётся. Таким любовью мужик за радость.

Лука не ответил, но мысль в голове осталась.

В начале июля, после сенокоса, пришла к Луке соседка — тётка Агафья, баба бойкая, языкастая. Постучала в косяк, скинула калоши у порога.

— Здорово, начальник. Дело у меня к тебе.

Лука сидел за столом, снова пересчитывал кубометры. Машка возилась у печки, Валя усыпляла Евстигнея.

— Садись, тётка Агафья, — сказал Лука, отрываясь от накладной. — Чего принесло тебя на ночь глядя?

— Ну так я по делу, говорю же, — она уселась на лавку, подобрала юбку. — Слышала, ты, Лука, ищешь себе жену. Али неправда?

Лука помолчал, покосился на Машку. Та наострила уши.

— Ну ишу, — сказал он. — Сама видишь: дома трое малых, а я на работе с утра до ночи. Машка, конечно, старается, да сама ещё не доросла.

— Вот и я про то, — тётка Агафья понизила голос. — Есть у меня на примете одна девка. Дочка свояченицы моей, из Сайгатки. Уляшкой звать. Шестнадцать годков. Красивая, работающая — залюбуешься. И рукодельница, вяжет и вышивает — мать честная.

Лука усмехнулся невесело:

— Красивая да работающая? Что ж она за такого, как я, бедного да с кучей ребятишек, замуж пойдёт? Или получше женихи перевелись?

Тётка Агафья вздохнула, замялась, потом выложила:

— Семья у них бедная, Лука. Отец на фронте, мать — баба суровая. Шестеро детей в доме, сам понимаешь, кормить всех надо. Мать её всё хочет сбегрить с рук — нечего на шее сидеть. А тут война, женихов-то и не осталось. Вот и согласна за любого отдать, кто возьмёт, лишь бы одним ртом меньше.

Лука слушал, смотрел в окно.

— А сама она? Ульяна?

— А что сама? Девка смиренная, неболтливая. Я ей говорила про тебя. Сказала: «Кабы он согласился, я б поехала. Всё равно дома у меня житья нет».

Лука долго молчал. Машка подала голос с печки:

— Лукаш, а она злая небось? Бить нас не будет?

— Не будет, — сказала тётка Агафья. — Она хоть и не

больно ласковая в такой-то семье, да добрая. И с детишками управляться умеет, и с хозяйством тоже. Корову, глядишь, заведёте — детям молоко будет.

— Ладно, — сказал Лука и стряхнул с рукава крошки. — В воскресенье съезжу, погляжу.

— Вот и ладно, — обрадовалась соседка. — Вот и славно. Ты только, Лука, не робей. Она девка стоящая, не пожалеешь.

В воскресенье Лука запряг старую кобылу Зорьку, которую на вывозку уже не ставили, использовали для мелких нужд. Машка вышла на крыльцо проводить.

— Ты, братец, смотри, — сказала она строго. — Ежели какая непутёвая — не бери. Нам лишний рот ни к чему.

— Ладно, командирша, — усмехнулся Лука и тронул вожжи.

Дорога до Сайгатки — почти восемнадцать километров через районный центр по раскисшей после дождей колее. Зорька шла шагом, пофыркивала. Лука думал своё: что за девка, какая из себя, а главное — уживётся ли с Машкой, Валею и подслеповатым Евстигнеем?

В Сайгатке нашёл избу свояченицы тётки Агафьи. Дом был хоть и почерневший, но крепкий, видно, что рукастый мужик строил из хорошего бревна. Лука слез с телеги, зашёл в калитку, постучал. Вышла женщина лет сорока, худая, с жёсткими глазами.

— Ты, что ли, жених? — спросила без привета.

— Я, — сказал Лука, глядя на неё исподлобья и стараясь не выдать волнения.

— Ульяна! — крикнула женщина в избу. — Выходи, гляди.

Дверь отворилась, вышла девушка. Лука так и замер: и правда красивая. Росточком мала, ниже него, чёрные косички завязаны вокруг головы, лицо загорелое, а глаза тёмные — строгие, настороженные. Да и сама вся как-то сжалась, будто ждёт удара.

— Вот, — сказала мать, — Уляшка. Забирай, коли нравится. Приданого нет, сразу говорю. Так что чем богаты.

— Здравствуйте, — сказала девушка, не поднимая глаз.

— И тебе не хворать, — угрюмо ответил Лука. — Так что, пойдёшь за меня? — спросил прямо. — У меня трое малых, мать умерла, сам на лесоучастке работаю. Живём бедно, да не хуже, чем здесь.

Ульяна подняла глаза, посмотрела на него долго, пристально.

— Пойду, — вздохнула она.

— Ну тогда вещи грузи и поехали.

Вещей оказалось немного — один небольшой потёртый сундук, оббитый жестью. Мать Ульяны стояла на крыльце, сложив руки на груди, и не сказала ни слова: ни благословения, ни «с богом».

В Гаревой всё уже знали — тётка Агафья постаралась.

При въезде в деревню бабы на лавках перешёптывались, глядели с любопытством.

— Везут, везут невесту-то!

— Ишь, сундук какой, с железом.

— А сама — ничего так, видная, чернявая.

Машка первая выбежала на крыльцо, упёрла руки в боки, оглядела Ульяну с ног до головы.

— Ты кто? — спросила сурово.

— Сестра ваша теперь, — тихо сказала Ульяна. — Или нет?

— Поживём — увидим, — буркнула Машка, но посторонилась.

Валя выглянула из-за двери, держа Евстигнея за руку. Тот, белобрысый, шурился на солнце и улыбался.

Вещи занесли в дом. В сундуке оказалось совсем немного вещей — пара юбок, две кофты, перина, да ещё что-то тряпичное, бережно завернутое. Первым делом Ульяна ухватила веник и подмела пол — Машка и опомниться не успела. Потом поставила чугунок греться, взяла с полки у печи чистую тряпицу, перетёрла посуду. Огляделась, достала из сундука занавески с петухами — яркими, красными, с хвостами колечком и огненными гребешками — нацепила на два гвоздя над окном. Лука вошёл в избу, остановился, не сказал ни слова. Ульяна заметила его взгляд, покраснела:

— Сама вышивала, себе в приданое.

— Красивые, — сказал Лука. — Пусть висят.

Машка фыркнула:

— Ишь, расхозяйничалась!

Но Валентина захлопала в ладоши:

— Ой, как красиво! Петушки!

— Вот ещё перина, на кровать можно положить, — засуетилась Ульяна.

— Можно и на кровать, — согласился Лука и отвернулся, чтобы не увидели заалевших щёк.

— Завтра в сельсовет пойдём, надо расписаться, чтобы всё по закону. И на работу в колхоз тебя устроить надобно.

Ульяна опустила глаза:

— Как скажешь.

На другой день соседи, проходя мимо, заглядывали в окна. Тётка Марфа крестилась:

— Господи, богатая невеста Луке досталась! Ишь, занавески какие — петухи большущие, красивущие! Видать, приданое хорошее дали.

А молодые пришли в сельсовет к председателю. Тот сидел за столом, листал бумаги.

— А, молодёжь, — добродушно глянул он на Луку. — Чего пришли?

— Расписаться, — сказал Лука. — Жениться мы хотим.

Председатель поочерёдно посмотрел на них, снял очки, протёр.

— Сколько тебе, Лука?

— Пятнадцать.

— А тебе, девица?

— Шестнадцать, — ответила Ульяна.

Председатель вздохнул, покачал головой, будто отец родной.

— Ну что вы, робятишки? Какое жениться? Идите ещё подрастите.

— А у меня трое детей дома, Иван Кузьмич, — сказал Лука твёрдо. — Мне помощница нужна. Да и ей дома не житьё. Вы уж распишите, а мы как-нибудь.

Председатель поморщился, вздохнул, махнул рукой:

— Идите, детки, идите. Не до вас мне. Вот война кончится, вы подрастёте — тогда и распишем.

— Ульяну надо в колхоз определить.

— А это мы сделаем. Иди завтра на ферму, скажешь Глафире, что к ней в бригаду определяю, а там уж она сама решит, куда тебя поставить.

Они вышли на крыльцо. Ульяна стояла бледная, сжав губы.

— И что теперь? — спросила она дрожащим голосом.

— Ничего, — ответил Лука. — Обойдёмся без бумажки. У нас вон полдеревни не расписаны живут, и ничего.

Так и остались они жить вместе. Нерасписанные, невенчаные, связанные общим горем, общим голодом и тяжёлой работой.

Время шло. Лето и осень промелькнули, как один долгий день — лесосека, план, похоронки, скудный ужин при копилке. А потом снова пришли холода.

Зима сорок третьего выдалась не такой лютой, как предыдущие зимы. Морозы редко доходили до двадцати пяти градусов, зато снегу навалило по крыши. Рабочим приходилось сначала расчищать снег вокруг каждого дерева, чтобы срубить его как можно ниже к земле. За «высокие пни» всех строго наказывали, так как это была потеря ценной древесины. Острой проблемой была нехватка одежды и обуви. Не у всех были валенки, люди работали в лаптях или обносках, обмотанных тряпками. На обед давали в основном овсяную или ячневую похлёбку и скудную порцию хлеба. Но и это Луке приходилось зубами выгрызать в районе. За шесть-семь часов светлого времени нужно было организовать работу так, чтобы люди, которые валились с ног от голода и усталости, успевали выполнить норму.

Днём Лука пропадал на делянках или в районе, споря до хрипоты с начальством, выбивая пайки для рабочих и фураж для лошадей, вечером падал на лавку и засыпал, не раздеваясь.

Еды почти не было. Картошка, выросшая на огороде, ушла в колхозный план — себе оставили мелкую, с куриное яйцо, да и ту почти съели к декабрю. Хлеб давали по карточкам: двести граммов на рабочего, сто пятьдесят — на иждивенца. Лука, как начальник, получал двести пятьдесят, но полови-

ну отдавал детям. Сам жевал сосновую заболонь — сдирал кору, вымачивал, сушил на печи. Ульяна толкла её в ступе и добавляла в тёртую картошку с лебедой. Горько, но живот набивает.

Маша работала на лесосеке с другими подростками — обрубала сучья, таскала хворост. Она исхудала так, что ключицы торчали, как у цыплёнка. Лицо её стало бледным с тёмными кругами под глазами. Лука глядел на неё, и сердце кровью обливалось.

— Машка, ты бы поела, — говорил он, отодвигая к ней свой кусок.

— Ты сам ешь, Лукаш. Тебе на делянке без сил нельзя.

— Не шуметь на меня! — строго прикрикивал на неё брат.

— Я начальник, меня положено слушаться.

— Положено ему, — усмехалась Маша, но хлеб брала, делила на троих — себе, Вале, Евстигнею.

Валентина, всегда шумная и боевая, стала тихой и незаметной. Сидела на печи, шила тряпичных кукол, качала Евстигнея. Тот, подслеповатый и бледный, только и делал, что плакал от голода и от холода. Ульяна крутилась как белка в колесе. Рано утром бежала на ферму доить коров, раздавать сено, чистить навоз. Потом домой: поставить чугунок, замесить похлёбку из лебеды, зашить Машкину фуфайку. Потом снова на ферму к вечерней дойке. Возвращалась затемно.

— Ты бы хоть отдохнула, — говорил Лука.

— Да когда ж мне отдыхать-то, — отвечала Ульяна и лезла

убирать за козой, которая давала молоко для Евстигнея.

Домашней скотины было — коза да десяток кур. Но с кур почти не было проку: яйца сдавали в счёт поставок государству, мясо — тоже. Себе оставляли только головы с шеями да ноги, из которых получался пустой бульон.

Лука ходил чёрный. Припадки стали чаще — раз в неделю, иногда дважды. Падал прямо на полянке, забивался в судорогах, кусал язык. Бабы уже привыкли, подкладывали варежку, чтобы не задушился. Бригадир Гришка Егоров усмехался:

— Вот начальничка-то выдали, припадочного, — и сплёвывал в снег.

Ссылные молчали, чтобы не нарываться на месть бригадира, но сочувствовали и тоже помогали — Янис придерживал голову, немец Карл Рихтер совал в рот деревянную ложку, которую Лука всегда носил в кармане.

— Плохо, Лука, — говорил Янис. — Тебе лечиться надо, отдыхать.

— Кто за меня лес будет сдавать? — отвечал Лука, вытирая окровавленные губы.

Однажды он упал на снегу у штабеля, забился так, что бабы с трудом удержали. Довезли до конторы, Ульяну позвали с фермы. Она прибежала, села рядом на колени, взяла его голову в руки.

— Лука, миленький, очнись. Дети дома ждут.

Он открыл глаза, мутные, мокрые.

— Уля... — прошептал. — План... сосну не сдали...

— Ну его, твой план, — сказала Ульяна, и это было впервые, когда она сказала против работы. — Живой бы остался.

Она помогла ему подняться, посадила на старый диван у стены, напоила тёплой водой. Сама заплакала тихо, чтобы не видел.

Недели через две, в конце декабря, в Гаревую приехал уполномоченный из района. Звали его Пётр Иванович, средних лет, с портфелем и строгим лицом. Пришёл прямо в контору, когда Лука заполнял отчёты.

— Суханов? — спросил он, не здороваясь.

— Я, — Лука поднял голову.

— Инспектор РОНО. У вас дома трое детей, не достигших четырнадцати лет. Маша, Валентина, Евстигней. Мать умерла. Отец умер тоже. Кто за ними присматривает?

— Я, — сказал Лука. — И жена моя, Ульяна.

Пётр Иванович заглянул в бумаги, поджал губы.

— Жена? В сельсовете вы не расписаны. Так что она — посторонний человек. Вы сами, Суханов, несовершеннолетний. Плюс — у вас эпилепсия.

Откуда он знал про эпилепсию? Лука похолодел — точно опять бригадира Егорова донос.

— Как вы можете обеспечивать детей? — продолжал инспектор. — Рацион, одежда, жильё. По нормативам — не обеспечиваете.

— Да какие нормативы, война же! — Лука вскочил. — Все так живут! И дети — они мои!

— Закон есть закон, — отрезал Пётр Иванович. — Дети подлежат изъятию и направлению в детский дом, сначала в Молотов, а там куда распределяют. Я сегодня составлю акт, а завтра приедет машина.

Лука побелел, как снег за окном.

— Не отдам, — хрипло сказал он. — Это мои брат и сёстры. Мать умирала, наказывала беречь.

— Беречь надо по-человечески, — инспектор надел шапку. — А вы их уморить голодом хотите. В детдоме кормят и учат.

А потом, чуть смягчившись, добавил:

— Неужели вы не хотите вашим детям лучшей жизни, более сытой и спокойной? После войны станет легче жить, заберёте.

Лука ничего не ответил, стоял, понуриив голову. Инспектор вышел, оставив Луку одного в нетопленной конторе.

Лука пришёл домой тихий, сел за стол, уронил голову на руки. Ульяна присела рядом с ним.

— Что, Лука? Что случилось?

Он рассказал, с трудом шевеля губами. Машка, которая собралась доставать котелок из печи, услышала — выронила ухват.

— Куда... куда нас? Мы не поедём!

— Не поедете, — сказал Лука, не поднимая глаз. — Уведут.

— А ты? Ты позволишь? — Машка подбежала к нему, трясла за плечо. — Лукашка, ты же старший! Защити!

— Не могу, — выдохнул он. — По закону я несовершеннолетний, мне шестнадцать только. И припадки у меня. И не расписаны мы. Ничего не могу.

Валя заплакала, прижимая к себе Евстигнея. Тот не понимал, только тарасил подслеповатые глаза и шептал: «Не поедем, не поедем».

Ночь не спали. Ульяна собрала узелки — каждому по смене белья, краюшку хлеба да по картошине в дорогу. Лука сидел на лавке, смотрел в стену. Потом встал, достал из короба гармонь, которую давно уже забросил. Провёл пальцами по ладам, растянул меха и заиграл свою любимую песню. После вступления запел громко, надрывно, как перед смертью:

— Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой...

— Выходи-ила на берег Катюша, — подхватили ребятишки, как раньше, хором, — на высокий берег на крутой.

Лука играл, сильно притопывая правой ногой, отчего гармошка подскакивала на колене. Слезы катились по его щекам, но он их не замечал и пел, пел, пока голос не охрип. Но и потом, охрипшим голосом пел ещё песни, какие знал, словно не хотел, чтобы начинался новый день. Ребятишки сидели рядом и голосили во всю силу, напрягая жилы на горле

и глотая слёзы.

Утром приехал грузовик — полупортка с тентом, облезлая, дымящая. Инспектор сидел в кабине рядом с шофёром.

Детей вывели на крыльцо: Маша зло молчала, сжалась; Валя ревела навзрыд, тянулась к Луке; Евстигней повис на Ульяниной юбке и не отпускал.

— Уля, я не хочу! Мама, Уля!

— Не плачь, маленький, — Ульяна погладила его по голове, голос срывался. — Всё будет хорошо, надо потерпеть...

Соседи повылазили смотреть. Тётка Марфа крестилась, бабы плакали. Янис с Велтой стояли у своего крыльца, и Велта утирала глаза фартуком.

Пётр Иванович вышел из кабины, помялся, махнул рукой Луке:

— Садите детей в машину да поскорей. Нам ещё в Фоки ехать за другими детьми.

Лука подошёл к детям. Обнял всех троих сразу — сколько его худые руки могли обхватить.

— Я найду вас, чего бы мне ни стоило. После войны найду, обещаю.

Маша смотрела на него снизу вверх, уже не маленькая девочка со взрослыми глазами.

— Найди, Лукашка. Мы подождём.

Он поцеловал её в лоб, Вальку в макушку, прижал Евстигнея к груди. Потом отступил.

Ульяна подвела детей к машине, помогла забраться в ку-

зов, подала узелки. Маша села на доску, обхватила колени, уставилась в одну точку. Валя всё плакала, а Евстигней, зажатый с двух сторон сёстрами, тихо шмыгал носом.

Дверца хлопнула. Грузовик затарахтел, чихнул, поехал по ухабам. Лука стоял, не шевелясь, пока машина не скрылась за поворотом. Потом пошёл в дом, сел за стол, взял накладную и долго смотрел на неё невидящими глазами.

Ульяна вошла, встала рядом, положила руку на плечо.

— Мы их найдём, Лука. После войны.

— Найдём, — глухо сказал он. — Если сам не сдохну.

Он не сдох. Но искал их потом почти семь лет.

До конца войны Лука продолжал работать начальником лесоучастка. Припадки не прекращались, но он научился с ними жить. После Победы вернулись мужики, прислали нового начальника. Лука сдал дела — документы в порядке, недосдач нет. Его оставили работать в конторе, он заполнял бумаги, вёл счета. Нервотрёпки стало меньше, здоровье немного поправилось.

Все эти годы он каждый месяц писал запросы: в исполком и РОНО, в Молотов, в Бугуруслан Оренбургской области, где хранилась картотека на всех эвакуированных детей, в Красный крест, во все инстанции, какие могли пролить свет на судьбу детей. Ему отвечали, что дети были эвакуированы в Сибирь, адрес утерян. Потом — что детдом расформирован. Потом — «сведений не имеется».

Через шесть лет, когда надежда почти угасла, кто-то надумил: «Напиши в „Пионерскую правду“. Там печатают списки потерянных, ищут родственников».

Через несколько месяцев пришло письмо из Сибири — Маша работала на заводе в Новосибирске. Газету со статьёй ей принесла женщина из цеха, увидела знакомое имя. Ещё через пару месяцев нашлась и Валя. Она училась в техникуме в Кемерово.

Девчонки вместе приехали к нему только через пять лет. На станции Лука обнял их, долго плакали, не могли сдвинуться с места. Две недели пролетели незаметно. Потом опять прощания, но теперь уже не навсегда.

Евстигней Лука искал ещё четырнадцать лет. Тот был слишком маленьким, мало что осталось у него в памяти. Его распределили в интернат для инвалидов. А когда получал паспорт, то изменил имя на Николай — имя Евстигней не нравилось ему. Но и его Лука нашёл — помогла передача Агнии Барто. Вспомнил Евстигней, как пели «Катюшу» в день прощания.

Сколько было таких детей, что рано повзрослели, что трудились наравне с большими мужиками, что несли на своих худеньких плечах ответственность за семью, за Победу, за Родину! Они не получили награды, потеряли здоровье, пережили голод, холод, смерть, но не отступили и продолжили жить дальше. Жить честно и просто.

А уральский лес всё так же шумит. Он помнит всё, что было. И мы должны помнить.

Светлана Нагибина

«Страстная боль, последний снег...»

Страстная боль, последний снег,
Душа цепляется бывшего,
Но тайна времени благого
Открыта всем — весна, Четверг¹.

Останки снега на стерне,
Как жалки стужи одеянья,
За миг вчерашнего страданья
Родится колос в ячмене.

Студёный ветер, тучам брат,
Искал вдоль пашен Божью милость,
В нём сердце грешное ютилось
И пело жизнь у Царских врат.

Ходила баба по стерне,
Стянув апрельский ветер шалью,
Морозно бирюзовой далью
Молилась баба обо мне.

¹ Великий четверг.

«Март ушёл по-стариковски тихо...»

Март ушёл по-стариковски тихо,
Так уходит мирный человек.
Гонит сон апрельская чудиха,
Треснул лёд отяжелевших рек.

Сер и тих провинциальный город,
Моет пену снежную со щёк
Дождь весенний, хмурится Аврора,
Ярость нег не выждалась ещё.

Утро тихо, каркают вороны,
Как у стен Донского в ноябре,
Не душеприказчиковы стоны —
Крест до неба, рана на ребре.

Боль. Страстная. Пасхи ожиданье.
Жизнь проклюнется из ничего.
Вновь своё цветастое скитанье
Примут дни от Бога своего.

Юн апрель, отверстая природа

Гонит жизнь в провинциальный град
Отголоском ветра — карагода²,
Гулкой тишиной Донских оград.

² Карагод — хоровод.

«Вытянулось небо, распрямилось...»

Вытянулось небо, распрямилось,
На носочки встало, побрело.
Марта новорожденного милость
Да ручьёв звенящее тепло

Кланяются небу неуклюже
Под закат распахнутого дня.
Я иду, не замечая лужи,
Я сегодня паводку родня.

Без замков и даже шпингалета
Деревенской радости полна,
Шлёпает по лужам в город света
Девочка вчерашняя, весна.

То вчера, а ныне величава,
Снег смывая струйками ручьёв,
Оперяется к полёту пава,
И в её дыхании — любовь.

Тёмным локоном ручьи на солнце,

И журчит в них нетерпенье бурь.
Павушка сверкает и смеётся,
К ней бредёт высокая лазурь.

Встретились на сумеречном вдохе,
А расстаться не хватило сил.
Старый сон пластмассовой эпохи,
Талый снег, распутица, акрил.

«Сухой октябрь, раскаркались вороны...»

Сухой октябрь, раскаркались вороны.
На кладбище в Макарье маета.
Рябин неусыпаемые схроны
Алеют кровью Господа Христа.

Старик октябрь вздыхает тёплым ветром,
Разносит плач Давидовых псалмов.
Читаю постаревшим километрам.
Суббота поминальная, Покров.

В пяти шагах приметная могила,
Гранитный камень трепетно высок,
В нём лик Архистратига Михаила
С тяжёлой кручи смотрит на восток.

Здесь птицы стаями, над ними самолёты.
Шумят моторы, кружит листопад,
И судеб человеческих пустоты
С дерев густой порошею летят.

Вопит вино, вина проходит молча,
Перенесён в оградки званный пир.
Не золотистый ветер и не порча
Святое перестроили в трактир.

Идёт октябрь покоем в шелест ветра
Весь в золоте. В низине облаков
Развесил недовязанные гетры
В полоску, нарядиться не готов.

Малинник бурый и оранжевый — на вырост.
Листы резные некому срезать.
Старик октябрь торопится на клирос,
Ему о Боге хочется сказать.

Сказать, а лучше спеть, звучат в полшага
Аккорды редкие, разлита за рекой
Мелодия уснувшего оврага
И пляжа, опустевшего, покой.

В неярком дне набухшая усталость
До ранних сумерек рябиною горька.
Её живая суть, такая малость —
Звучат шаги, октябрь и облака,

«Октябрь» Чайковского.

«Под высокими снегами...»

Под высокими снегами
Тропки-змеи, тесен путь,
Вьются ленты между нами,
Не уйти и не свернуть.

Горы снега. Небу вторя,
В дом идёт Великий пост.
Невеличие героя
Вырастает в полный рост.

В белой толще колкий ельник.
И наветы не слышны.
Будет Чистый понедельник,
Выйду в утро тишины,

В мир добра. Растают горы,
Сгинут змеи по весне,
И божественные хоры
Хлынут ливнями во мне.

«За мною ходит снегопад...»

За мною ходит снегопад.
В аллеях парка тихо. Святки.
Давно в сугробах маки спят
Моей широкополой Вятки.

Поля раскинулись легко,
Душа распахана глубоко,
И льёт снегами молоко
Звезда, пришедшая с востока.

У нас приветный свет звезды
Укрыт широкими полями,
Плетеньем тонкой борозды
Да синевой над тополями.

Ходил кругами снегопад
И на душе белел несносно,
В кольце чернеющих оград
Вчерашним мыслям было тошно.

Напитывал земную твердь

Плодами будущего лета,
Не уговаривал терпеть
И плакать жалкого поэта.

Он шёл один из тишины
Любовью непрерывающей,
Но человеку не нужны
Приметы вечности и кущи³.

Печаль распутицы строга
К мелодии неуловимой,
И не кончаются снега,
И облака несутся мимо.

³ Кущи (а) — шалаш из пальмовых или миртовых ветвей, тент или палатка из покрывала или ткани, натянутых на колья.

«Сидел на кладбище Иваныч...»

*Прабабушке Прасковье,
дядюшке Ивану Ивановичу Иванцову*

Сидел на кладбище Иваныч,
К Ивану часто приходил.
Дорог запёкшиеся раны
К могиле матери носил.

В одной ограде дед и бабка,
Наискосок отец и мать,
Своё, родное без оглядки
Шёл к Верхосуню⁴ поминать.

Под колыбельной снегопада
Мороз лютующий притих,
Молчала низкая ограда,
Иван молился о своих.

Вода, Крещение Господне,
Он это с детства не забыл,

⁴ К Верхосуню (е) — село Верхосунье Сунского района Кировской области.

Всегда в день памяти Прасковьи
Иван на кладбище ходил.

Он помнил бабушку Прасковью,
Её простой и строгий вид,
И вичку⁵ ту, что наготове
Всегда держала по любви.

Какое счастье ей досталось,
Что помнил он из детских лет?
Оно не часто улыбалось
И всё же прятало от бед.

Сначала мужа проводила,
А после сына на войну⁶
И тихо Господа молила
Вернуть России тишину.

Её молитвы слышал Вышний,
Вернулись оба: муж и сын.
А снег над памятью притихшей
Любви отмеривал аршин.

⁵ Вичку/а/ вица — гибкие ветви деревьев.

⁶ Прабабушке Прасковье досталось проводить мужа на Первую мировую войну, а после сына на Вторую мировую. Две войны прошли по её судьбе.

Ольга Бажина

Посвящение Сергею Рахманинову

Родился весной, как подснежник, в апреле
В усадьбе родной под сопрано капли,
Под русских обрядов напев подрастал
И Русь новгородскую сердцем впитал!
И музыка с кровью Серёжи смешалась
И, в ней растворившись, навечно осталась,
И к сердцу по венам она добежала,
Рояльными струнами в нём задрожала!
И вырвались звуки наружу сквозь струны.
Так стал музыкантом Рахманинов юный!
По клавишам пальцы порхали стаккато,
Сплетались аккорды узором легато,
Романсами души людские тревожа.
Так стал композитором взрослый Серёжа!
Романтику в звуках услышав крылатых,
Он ею делился в сюитах, сонатах,
Концертах для скрипки и фортепиано,
Вдыхая её в них то форте, то пьяно!
И символом музыки русской не зря
Считается, творчеству благодаря!

Памяти Василия Ланового

Корчагиным в жизнь каждого ворвался,
Под парусами алыми поплыл,
В Калафа-принца в театре превращался
И Цезарем, и Казановой был,
Курагиным влюблял в себя Ростову
И Тулиным шёл смело на грозу,
Вараввой, к подвигу, любви готовый,
По жизни шёл вверху, а не внизу!
Он был Душой и Совестью Отчизны,
Нет, почему же был?! Он остаётся, есть!
Он будет жить в сердцах и после тризны:
Ведь Он — Душа России, Совесть, Честь!

Памяти Булата Окуджавы

Он был певцом Москвы, Арбатского двора
С челом высоким, головой курчавой
И нёс сердцам людей стихов своих слова,
Не заму́тненные погонею за славой.
Он в детстве столько тягот перенёс:
В ГУЛАГ угнали мать, отец же был расстрелян.
Весь детства путь его — одни шипы без роз,
Он бедами, невзгодами измерен.
Ушёл на фронт Булат всего в шестнадцать лет,
Служил там миномётчиком, был ранен,
И там в огне войны родился в нём поэт,
Не смог убить в нём душу даже Сталин.
Плакатному Отцу он ни за что не мстил
И счёт не вёл былым своим потерям,
Но помня горечь детства, потерь тех не простил
И ненависти к Сталину был верен.
И так любил Москву и свой родной Арбат,
Что воспевал в стихах своих чудесных.
Пел про ушедших на войну ребят, девчат
В своих военных и бессмертных песнях.
Он жизнью яркой творческою жил,
Движенью КСП он положил начало,
Он песне бардовской начало положил,
Одна из них девизом бардов стала.
Стихи его и песни читают и поют,

И без его хлопот его настигла слава,
И мысли и слова стихов в сердцах живут,
Фамилию прославив Окуджава!

Поэт-трибун

*Посвящается одному из моих кумиров
замечательному русскому поэту
Андрею Дементьеву*

Перо парит в руках поэта,
Ложатся строчки на листы
И говорят про то, про это,
Про всё, что в сердце носишь ты.
Поэт-трибун, поэт-глашатай,
Порой жестокий правдоруб,
Людских пороков соглядатай
И потому бывает груб:
Он, как хирург, нарыв вскрывает,
Наружу выпустив грехи.
Словами души задевают
Его гражданские стихи,
И под опекою духовной
Творца стихов, питомца муз,
Быть может, станет мир греховный
Чуть чище без порока уз!

Владеющему миром комедии Эльдару Рязанову

Мечтал учиться в мореходном,
Случайно поступил во ВГИК,
Стал режиссёром всенародным,
Познав комедии язык!
Ему вручила мать-природа
Великий юмориста дар,
Чтоб стал избранником народа
Творец комедии Эльдар!
Слух музыкальный не имея,
Петь обожал сам всё равно,
Но мучить пением не смея,
Других заставил петь в кино!
И после «Карнавальной ночи»
Стиль «мюзикл» любимым стал,
Эльдар, став популярным очень,
Взошёл на кинопьедестал!
Знать, за него решил Создатель —
Не для него морской простор,
Он драматург, поэт, писатель,
Ещё важнее — режиссёр!

Памяти Нади Рушевой

Надя Рушева — девочка-солнечный лучик,
Подарившая нам столько света, тепла.
Та, что детской рукой и пером верный ключик
К человеческим душам, не искавши, нашла!
Не жила в девятнадцатом пушкинском веке,
И герои Булгакова в вечность ушли,
Но остались в рисунках воспеты навеки
Мастер и Маргарита, Пушкин и Натали,
И кентавры из мифов, Наташа Ростова,
Боги, нимфы Эллады и Маленький принц,
Персонажи, герои романов Толстого.
Столько в линиях нежных узнаваемых лиц!
И рукой она детскою твёрдо творила
Без отрыва, без ластика, карандаша
И безмолвно рисунками нам говорила,
Как огромны её и талант, и душа!
И глядела на мир сквозь художника призму,
Жизни луч преломляя на радужный цвет.
Почему же тогда удалось аневризме
Перервать этот луч, погасить яркий свет?!
Он погас, но опять мы спешим на свиданье
С этой девочкой-гением в крупных очках!
Ведь в рисунках нам слышится снова дыханье
И биение пульса её в облаках!

Памяти Дмитрия Хворостовского

Умолк Орфей, и песни отзвучали,
И зарыдала ливнями Земля,
Поникли ветви ив, берёз в печали,
Горюют с ними липы, тополя,
Трагично в карауле сосны встали,
Нет караулу этому конца,
И птицы петь на время перестали
С утратой миром русского певца!
Хоть был он родом из Сибири снежной
С открытой щедрой русскою душой,
Но голосом бесценным и безбрежным
Сумел влюбить в себя весь мир большой!
И голос незабвенный стал нетленным,
Хоть сам певец безвременно угас,
И он звучит теперь для всей Вселенной,
Влюбляя и её в себя сейчас!

Посвящение Валентину Гафту

За то, что был любимцем Мельпомены,
За дар, что был получен от Творца,
Он верен был Искусству до конца,
Шутом непревзойдённым был театра, сцены!
И, не стараясь власти быть угодным,
И, не страшась тернового венца,
Перед культурной пошлостью сегодня
Не потерял ни духа, ни лица!
И, ненавидя фальшь любых мастей,
Нёс правду миру до того свободно,
Что стал артистом истинно народным,
А вовсе не по прихоти властей!
Культура наша вновь осиротела:
Ушёл в небытие Актёр, Поэт,
Душа на небо вырвалась из тела,
Но не погас его Таланта свет!

Владимиру Васильеву посвящается

Он — Гений танца!
Обладая Божьим даром,
Над сценой он,
Как над Землей,
Парил Икаром!
Я на полёт его смотрю,
Едва дыша,
И с ним к Вселенной
Прикасается душа!

Сусанин по имени Матвей

Обычен Кузьмича⁷ портрет,
Собой совсем не видный:
Старик за восемьдесят лет,
Охотник безобидный.
Среди односельчан своих
Он вороном слыл белым,
Далёким от забот чужих
И бирюком замшелым.
Кузьмич не стал вступать в колхоз,
Он был единоличник
И жил с советской властью врозь,
Своею жизнью личной!
Имел он множество детей,
Дарил заботу внукам,
Но не любил других людей,
По деревенским слухам!
Жестокая петля войны
Душить Отчизну стала!
Чума пришла со стороны
И Русь врасплох застала!
Но знать ей было не дано,
Что на Руси рождённый

⁷ Кузьмин Матвей Кузьмич — Герой Советского Союза. Ему поставлен памятник на станции метро Партизанская» в Москве.

Смерть примет, коли суждено,
Умрёт непобежденный!
Неважно, кто он есть: солдат
Или простой мирянин,
Не ожидающий наград!
Кузьмич, как сам Сусанин,
Водил врагов без лишних слов
По дебрям нелюдимым!
Охотник старый, рыболов
Ушёл непобедимым,
Увёл навечно за собой
Фашистские десятки,
Приняв единственный свой бой,
Сдав в плен врагов остатки!
Загадки нет здесь никакой!
Сказать не будет лезью,
Что вечный он нашёл покой
С достоинством и честью!
Он мирным человеком был
И не терпел насилья,
Он власть Советов не любил,
Но он любил Россию!

Михаил Войтович

Русский человек

Мы — народ, не население —
Сердце собственной страны,
Что не в такт чужому мнению
Бьётся ритмами весны.

Гордая и величавая,
Русь поёт свою печаль —
Эта за семью печатями
Мира тайная скрижаль.

Что в твоём святом писании
Зашифровано навек?
Древний камень мироздания
Держит русский человек!

Запрягает долго, медленно,
А потом во весь опор
Мчится с криками победными
На открывшийся простор.

Не жалеет соли с сахаром,

Коль беда иль пир горой —
Жнец простой на поле вспаханном,
Воин, смелый и лихой.

Будет драться до последнего
За семью, Россию, дом —
Страж пути тысячелетнего
С лирой, книгой и мечом.

С Богом в сердце неприкаянном,
С верой в праведной душе
Преисполнен сострадания,
Ищет рая в шалаше.

Презирает прямо, искренне
Всех, кто кормится войной,
Высекает правду искрами
Недрожашею рукой.

Защищает обездоленных,
Бережёт завет отцов,
Постоялец мест намоленных —
Узел связанных концов.

Суть — бескрайняя, бездонная,
Без гордыни и обид —
Пробуждает царства сонные,
Ярким пламенем горит.

Измеряет вёрсты вётрами
В необъятности земель,
В вековые льды одетыми,
Где союзница — метель.

Если любит — то неистово
Всем отчаянным нутром,
С помыслами ясно-чистыми
Отвечает злу добром.

Взгляд орлиный — на две стороны:
Зрит и Запад, и Восток,
Делит хлеб на части поровну
На распутье всех дорог.

Но идёт своей, единственной
Под знамёнами небес,
Свет несёт в себе таинственный,
Озаряя тьму окрест.

Не страшится неизбежного,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.